

ствует о регулярных контактах Эгейского мира с юго-западной Сардинией и особенно с богатой металлами зоной Сульчитаво. Вероятно, не один поток поселенцев прибывал в Сардинию с Востока в течение II тыс. до н.э. Однако нет никакой необходимости объяснять эти влияния с Востока приходом на остров народа "сардана" в XI-XII вв. до н.э. Словом наоборот: именно для этого времени нет никаких археологических свидетельств иммиграции с Востока⁴⁵. Между тем связь Сардинии с Эгейским миром проследивалась ещё в неолитической культуре острова Сан Миколь (Озверн)⁴⁶.

Каково же происхождение строителей нурагов и их этническая принадлежность? Ответить на этот вопрос при современном состоянии источников вряд ли возможно. По крайней мере, Дж.Лалльо, крупнейший современный исследователь нурагов, за неимением надежных данных оставил его открытым в качестве, как он выразился, "романтического гипноза" для исследователей⁴⁷.

Наконец, необходимо отметить, что отрицание связи между "сардана" египетских источников и древним населением Сардиния вовсе не означает, что остров не был связан с Северной Африкой, но это уже предмет для самостоятельного исследования.

В.И.Кашев

ПЕРВАЯ РИМСКО-МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АНТИКОВЕДОВ

Македонские войны Рима стали предметом детального исследования в античной историографии. И это не случайно, ведь именно о римско-македонскими войнами обычно связывают важный период в античной истории, когда Риму удалось окружить Македонскую монархию, подчинить своему влиянию греческие государства и коренным образом изменить систему международных отношений в Восточном Средиземноморье.

45 Lilliu G. La civiltà..., p. 416; Tramp D.H. Op.cit., p.201.

46 Библиография вопроса см.: Кац Т.П.К вопросу о периодизации древнейшей истории Сардинии. - В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 19.Э, вып.4, с.194-199.

47 Lilliu G. Op. cit., p. 142.

Наиболее полно в новейшее время эти войны рассматривались в двух национальных историографиях: английской и американской¹.

В английской и американской антиковедении, несмотря на разнообразие концепций "римского империализма"², имеются два принципиально различных подхода в определении римской внешней политики, причем оба они, как представляется, генетически связаны с внутренне противоречивой концепцией античного историка Полибия³. Одни историки считают политику Рима не агрессивной, а оборонительной, "защитной" (Л. Брискоу, Ф. Вуд, Г. Граффат, Э. Гун-ак, Ч. Коэн, А. Макдональд, Д. Мейкс, Г. Скаллард, Ф. Уолбанк - до конца 1970 - х гг. А. Шарман-Джейт, Р. Эрикстон); другие же полагают, что можно говорить об агрессивном "римском империализме" (Э. Бадман, М. Крофери, Ф. Уолбанк - с конца семидесятых годов, К. Хоккинг, У. Харрис). Последняя точка зрения близка к модисовской концепции восточной политики Рима, но не отождествляет её. Так, в капитальном исследовании американского антиковеда Уильяма Харриса "Войны и империализм в республиканском Риме" доказано, что римская внешняя политика в период Республики была последовательно агрессивной и что онакт восточно и интенсивно стремилась к войне⁴. Аргументы историка направлены на доказательство того, что войны были неотъемлемой частью римского образа жизни: для представителей аристократии - она единственный путь к славе, её поддержание (по крайней мере до середины II в. до н.э.) и притом народ⁵. По мнению У. Харриса, для государства в целом и для частных лиц в римском обществе войны были экономически выгодной⁶. Впервые широко распространенной на Западе точкой зрения американский историк считает, что в Риме

1 См.: вкратце библиографию и библиографические комментарии в двух известных исследованиях по политическому истории античности: Will E. Histoire politique du monde hellénistique (327-30 av. J.-C.). Nancy, 1962, v. 2, p. 82-100, 121 sqq.; Green E.S. The Hellenistic world and the coming of Rome, v. 2.

2 См.: Кошнев В.И. Некоторые концепции "римского империализма" в англо-американской историографии новейшего времени. - В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981, ч. I, с. 133-139.

3 О противоречивости полибийской концепции внешней политики Рима см.: Walbank F.W. Polybius and Rome's eastern policy. - JHS, 1963, v. 53, p. 12.

4 Harris W.V. War and imperialism in Republican Rome: 327-70 B.C. Oxford, 1979, p. 2 ff.

5 Ibid., p. 9 ff.

6 Ibid., p. 54; cf. Padian E. Roman imperialism in the late

вовое не было "всеобщего нежелания" отторгнуть территории других государств и все случаи отказа римлян от аннексии можно объяснить частными обстоятельствами⁷. И, наконец, *ius fetiale*, как считает У. Харрис, не свидетельствует об оборонительном характере римских войн; он убедительно показывает, что большинство их развязывалось римлянами с агрессивными целями⁸.

Многие из этих положений основаны на обширном источниковом материале и не вызывают сомнения историков-марксистов. Однако в концепция У. Харриса есть уязвимые моменты. Он рассматривает социально-психологические аспекты внешней политики Рима особенно, отрывая их от социально-экономической её обусловленности. Экономический фактор в войне историк считает следствием ("экономические результаты"), а не причиной войны. Уильяму Харрису более, чем кому-либо другому из английских и американских антиковедов, удалось подойти к правильной трактовке характера римской внешней политики, но отсутствие у него последовательно марксистского понимания истории ограничило результативность его исследования.

Английские и американские историки внесли значительный вклад в изучение отдельных вопросов военно-политической истории Восточного Средиземноморья в конце III - первой половине II вв. до н.э. Представляется интересным решение многих проблем римско-македонских войн антиковедами Великобритании и США, многие вопросы истории этих войн остаются до сих пор дискуссионными.

Довольно полно римско-македонские войны рассмотрены в книге Тенни Фрэнк "Римский империализм"⁹. Джек Ларсен собрал важнейшие источники по истории войн и дал интересный очерк главных политических событий этого периода¹⁰.

Republic. Oxford, 1968, p. 17 sqq.

7 Ibid., p. 131-132, 158-162; cf. Scullard H.H. A history of the Roman world from 753 to 146 B.C. London, 1935, p. 315-321; Badian E. Op. cit., p. 3 sqq.

8 Harris W.V. Op. cit., p. 163 ff., 166-175, 200 ff.; cf. Briscoe J. War and imperialism in Republican Rome. - Classical Review, 1980, NS, v. 30, p. 36-88.

9 Frank T. Roman imperialism. New York, 1914.

10 Larsen J.A.O. Roman Greece. - In: Frank T. An economic survey of ancient Rome. Baltimore, 1930, v. 4, p. 259-498; idem. Greek federal states: Their institutions and history. Oxford, 1968.

Из всех английских и американских антиковедов только Дж. Дарсон и Ф. Уолбанк рассматривали эти войны "с македонской точки зрения", остальные авторы касались их в связи с исследованием римской внешнеполитической истории.

О причинах первого столкновения Македония и Рима имеются различные мнения. Одни историки, отмечая связь его с "иллирийскими вопросами", подчеркивают решающую роль Деметрия из Фароса в возникновении конфликта, другие полностью отрицают зависимость иллирийских проблем от первой римско-македонской войны.

Английский антиковед Фрэнк Уолбанк начинает повествование об этой войне с обзора международной обстановки. Когда в трех основных государствах эллинистического мира сменились правители, в Рим и Карфаген были заняты очередной войной, македонский царь Филипп V, едва ли осознавая смысл момента, занимался только греческими делами. "Туча на западе", - английский историк вслед за Полибием употребляет эту метафору¹¹, - еще не покрывала греческого неба"¹². Но, узнав о разгроме римлян войсками Ганнибала при Тразименском озере, македонский правитель решает покончить с римским влиянием в Иллирии¹³. Виновником имперских устремлений Филиппа стал, по мнению Ф. Уолбанка, Деметрий из Фароса, который вначале пробудил у молодого македонского царя мечты о завоеваниях на Западе, а впоследствии склонил его к поспешному заключению союза с Ганнибалом¹⁴.

Английский историк Роберт Эррингтон, следуя сообщению Полибия¹⁵, считает, что Деметрий надеялся использовать Филиппа для возвращения своих иллирийских владений¹⁶. Получив известие о поражении римлян в битве при Тразименском озере, Деметрий решил заставить македонского царя скорее закончить войну в Греции и постараться установить контроль над Иллирией, поскольку это было необходимым условием для экспедиции в Италию, а "Филипп попал на удочку"¹⁷. Именно под влиянием Деметрия, которое усиливалось в течение последующих лет, царь начал вообразить себе грандиозный союз с Ганнибалом против римлян¹⁸.

11 Cf.: Polyb., V, 104, 10; IX, 37, 10.

12 Walbank F.W. Philip V of Macedon. Harnden, 1967, p. 23.

13 Ibid., p. 64-65.

14 Ibid., p. 105.

15 See: Polyb., V, 108, 6-7.

16 Errington R.M. The dawn of Empire: Rome's rise to world power. Ithaca, 1972, p. 109.

17 Ibid., p. 110.

18 Ibid., p. 102.

Оценка роли Деметрия в первом столкновении Рима и Македонии явно преувеличена. По всей видимости, иллирийский изгнанник, преследуя свои цели, действительно оказал влияние на ход внешней политики, проводимой молодым македонским правителем. Что касается фактических данных, то свидетельства об этом в источниках есть¹⁹. Так, Полибий, имея в виду Деметрия, сообщает: *μόνος γὰρ οὐτως ἐπέταστο τὴν ἐν τῷ Φάρσῳ δυναστείαν κατακτεῖσθαι πάλιν* 20. Однако для решения вопроса о причинах войны рассмотренная лишь этих свидетельства ещё не достаточно. Необходимо взглянуть на события, связанные с началом войны, в более широком историческом аспекте. При этом окажется, что не Деметриево влияние на Филиппа предопределило военное столкновение Рима и Македонии, непосредственной причиной войны стала попытка двух держав путем агрессии решить "иллирийский вопрос"²¹.

Ф.Уолбанк почти не уделяет этому внимания²². Мако Керн сводит сложный "иллирийский вопрос" к проблеме пиратства в Адриатике, которую считает исключительно местной; "взягая сама по себе, она не могла привести к регулярному римскому вмешательству в греческие дела"²³.

Своеобразно истоки войны рассматриваются в новейшей работе американского антиковеда Эрика Грэнна. Он считает, что по причине войны с Ганнибалом Рим почти не обращал внимания на Восток, и поэтому волею за Э.Бадьяном и Н.Хэммондом отражает утверждения некоторых современных авторов, что Рим подстрекал иллирийского правителя Скердиллаида на действия против Филиппа²⁴. Македонский царь, несмотря на известные свидетельства По-

19 См.: Polyb., V, 101, 6 - 102, 1; 105, 1, 5; 108, 4-7.

20 Polyb., V, 101, 8; 108, 5-7.

21 О существовании "иллирийского вопроса" см.: Will E. Op. cit., t. 1, p. 354; t. 2, p. 77-82; Hammond N.G.L. *Illyria, Rome, and Macedon in 229-205 B.C.* - JRS, 1968, v. 58, p. 1-24; Islami S. *L'Etat illyrien...* - *Illyria*, 1975, v. 3, p. 21 ff.

22 Walbank F.W. Op. cit., p. 64-65.

23 Cary M. *A history of Rome down to the reign of Constantine.* London, 1935, p. 196-197; cf. idem. *A history of the Greek world from 323 to 146 B.C.* London - New York, 1963, p. 184-

24 Gruen E.S. Op. cit., v. 2, p. 374; cf. Badian E. *Studies in Greek and Roman history.* New York, 1964, p. 18; Hammond N.G.L. Op. cit., p. 15-16; Fine J.V.A. *Macedon, Illyria, and Rome, 220-219 B.C.* - JRS, 1936, v. 26, p. 39; Walbank F.W. *Philip V...*, p. 68.

либия²⁵, не намеривался вторгаться в Италию и тем более не мечтал о мире и господстве; его цели были гораздо скромнее: за - дание прибрежными городами в южной Иллирии, распространить македонского влияния на Адриатическое побережье²⁶. Ни Рим, ни Фракия не стремились к противоборству друг с другом. Но все-таки, ввиду войны стал македонский царь, заключивший союз с Ганнибалом²⁷. Таким образом, Э. Грюн отрицает связь первой римско-македонской войны с "иллирийским вопросом". Такой подход нельзя признать правильным.

По утверждению американского исследователя Джаккоба Ларсона, в результате первой иллирийской войны был установлен римский протекторат над отдельными иллирийскими городами, которые считались свободными, но были привязаны к Риму посредством *amicitia* и использовались римлянами в своих интересах. Этот протекторат сложился не случайно, а был сознательно введен римлянами²⁸. В результате второго военного вмешательства в Иллирию Рим овладевает Адриатическим морем, и ему открываются пути для продвижения на Восток. Это вызывает тревогу у македонского правителя, игравшего в то время ведущую роль на Балканах и являвшего свои интересы в Иллирии²⁹. Поскольку основным способом решения спорных вопросов в межгосударственных отношениях в то время была война, столкновение Македонии и Рима в данном случае оказалось неизбежным. Следовательно, нельзя признать правильной точку зрения тех историков, которые непосредственную причину столкновения двух великих держав видят в пагубном воздействии на молодого македонского царя честолюбивого авантюриста Деметрия и тем самым преувеличивают роль субъективного фактора в истории.

В зарубежной литературе по-разному оценивается та роль, которую Рим играл в первой своей войне с Македонией. Многие английские и американские исследователи - сторонники концепции

²⁵ Polyb., V, 101, 6 sqq.

²⁶ Gruen E.S. Op. cit., v.2, p. 375.

²⁷ Ibid., p. 375-376.

²⁸ Larsen J.A.O. Greek federal states, p. 359-361.

²⁹ См.: Малеваный А.М. Иллирия и их борьба против экспансии рабовладельческих государств. Воронеж, 1969, с. 16-17; ср.: Dieter H., Günther R. Römische Geschichte bis 476. Berlin, 1979. S. 76.

"оборонительного римского империализма" - волею за Морисом Олло её преуменьшают.

Ф.Уолбанк отрицает наличие у римлян каких-либо агрессивных устремлений, несмотря на то, что своей мощью они способны были противостоять Македонии. Напротив, именно Филипп V вынашивал планы вторжения в Италию; однако, сознавая свою слабость и недостаток средств для постройки сильного флота, македонский царь вынужден был сосредоточить свое внимание на Иллирии, укрепиться здесь, а затем двинуться на юг Италии³⁰. Подчеркивая агрессивность действий Филиппа, Ф.Уолбанк высказывает вслед за Теодором Моммзенем и Морисом Олло мысль, что необходимость защищаться заставила римлян вступить в первую македонскую войну³¹.

С такой оценкой вряд ли можно согласиться. Логичной и более аргументированной представляется точка зрения тех историков, которые отмечают антимакедонский характер действий Рима, стремление римлян не только защитить свои морские коммуникации в южной Адриатике, но и сохранить за собой позиции в Иллирии. Не случайно римляне, уже ведя войну с Ганнибалом, выслали по просьбе Скердилаида небольшую эскадру кораблей против Филиппа, которую тот явно не ожидал (τοῦτο μὲν οὐκ ἔδειξε ἔμπροσθεν οὐδὲν ἐπινοῶν, Ῥωμαῖοις διασκευαζέειν)³². Македонский царь поспешно бежал³³.

Р.Эррингтон справедливо считает, что сенат, несмотря на заботы в Италии и Испании, продолжал следить за иллирийскими делами и что Рим сохранил интерес к Иллирии, невзирая на серьезность событий в Италии³⁴. Маловероятно, что римляне сильно боялись македонского вторжения в Италию, особенно после беславно-го бегства Филиппа. Правда, в одном месте Полибий вскользь сообщает: καὶ Ῥωμαῖοι πρὸς τοὺς Ἕλληνας, δεδιότες τὴν τοῦ Φιλίππου πόλιν καὶ προσβόμενοι τῆν ἐπιπέδηται τοῖς τότε περιεστάσιν αὐτοῦ καιροῦ³⁵. Однако неуда-

30 Walbank F.W. Philip V of Macedon, p. 69; cf.: Polyb., V, 101; 102, 1; 108, 4-5; Syll. 3, 543.

31 Ср., например: Helleux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273-205). Paris, 1921, p. 173.

32 Polyb., V, 109, 2.

33 См.: Polyb., V, 109-110.

34 Errington R.M. Op. cit., p. 110 f.

35 Polyb., V, 105, 8.

ча двенадцатидневной кампании Филиппа летом 214 г. до н.э., закончившаяся поражением царя и гибелью македонского флота, как предположил Уильям Харрис, значительно уменьшила беспокойство в Риме³⁶. У. Харрис обратил внимание исследователей на ряд фактов, свидетельствующих об активной роли Рима и его интересе — осведомленности в войне с Македонией. Именно римляне были инициаторами заключения известного союзна с этолиями, на что указывал еще М. Олло, и что подтверждается некоторыми латинизмами в тексте договора. Римская эскадра, состоящая, по-видимому, из пятидесяти судов, удерживалась в Греции на протяжении всей войны. Удобный случай заключить мир с Филиппом в 208 г. до н.э. римлянами не был реализован³⁷, и после двух лет бездействия (207-206 гг.) сенат отправил в Грецию значительное подкрепление³⁸, несомненно намереваясь возобновить военные действия против Македонии³⁹. Основная цель римлян во время войны, по предположению американского историка, заключалась в том, чтобы удержать Филиппа в Греции или хотя бы причинить вред враждебной державе; другая же цель состояла в том, чтобы начать установление римского господства над греками⁴⁰.

Во многом одинаково английские и американские антиковеды оценивают договор Филиппа и Ганнибала, его смысл и значение⁴¹. По мнению Ф. Уолбанка, карфагено-македонский договор окончательно снял вопрос о македонском вторжении в Италию (ставился ли он вообще?). Неудача при Сасоне и битва при Каннах низвели роль македонян в войне к простым диверсиям. Для Ганнибала же этот договор создавал новый фронт против Рима и ничем не связывал его самого. Договор, таким образом, определял сферы интересов и сферы действий. Однако Ф. Уолбанк, как и многие другие исследователи, подчеркивает неопределенность карфагено-македонского договора. Выполнение его положений зависело от военных успехов Карфагена; по мере того, как победа карфагян становилась все более отдаленной, условия договора оказывались менее реальными и вскоре стали "забытым фактом истории"⁴².

36 Harris W.V. War and imperialism in Republican Rome: 327-70 B.C. Oxford, 1979, p. 206; cf. Liv., XXIV, 40; Plut., Arist., 51.

37 App., Mac., 3.

38 Liv., XXIX, 12, 1-4.

39 Harris W.V. Op. cit., p. 207.

40 Ibidem.

41 BVA, III, N 528, S. 245-250.

42 Walbank F.W. Philip V of Macedon, p. 72.

Р.Эррингтон также говорит о расплывчатости содержания договора, но в противоположность Ф.Уолбанку, утверждает, что сами по себе положения пакта македонского царя и Ганнибала вовсе не означали намерения Филиппа немедленно вторгнуться в Италию, хотя сенат, по-видимому, предполагал возможность такого вторжения. Оценивая договор Македонии и Карфагена, историк считает, что он был на руку Ганнибалу; карфагенский полководец стремился провести "отвлекающий маневр", хотел распылить римские силы путем создания ещё одного фронта, и он достиг своей цели⁴³. Напротив, для Филиппа желание начать войну с Римом было в конечном счете губительным, поскольку разоблачение тайного договора с Ганнибалом, а также филиппова военная кампания 214 г. до н.э. привела к тому, что римский флот с того времени до конца войны постоянно находился в иллирийских водах⁴⁴.

Аналогичную точку зрения на карфагено-македонский договор, правда без ссылки на Р.Эррингтона, отстаивает и Э.Груэн⁴⁵. Макс Кари в свое время высказывал мнение, что, по существу, условия договора были продиктованы Ганнибалом⁴⁶. Вряд ли нужно доказывать, что такая оценка, ставшая господствующей в английском и американском антиковедении, ведет свое начало от известных положений работы Мориса Олло⁴⁷.

Особое внимание исследователи уделяют вопросу о значении римско-этолийского союза для хода и результатов первой римско-македонской войны⁴⁸. Ф.Уолбанк сделал многое для прояснения отдельных аспектов этой проблемы. В частности, он обосновал дату принятия договора о союзе, это, вероятнее всего, осень 211 г. до н.э.⁴⁹. Английский историк показывает те трудности, с кото-

43 Errington R.M. Op. cit., p. 111 f.

44 Ibid., p. 112; cf. Larsen J.A.O. Greek federal states, p. 363.

45 Gruen E.S. Op. cit., v. 2, p. 376.

46 Cary M. A history of Greek world, p. 184, n. 1.

47 Holleaux M. Op. cit., p. 181f. В литературе имеются и иные мнения. Так, А.С.Шофман считает, что договор был выгоден отчасти и для Филиппа, поскольку им он обвонизил себя от Карфагена и освободил руки для борьбы с римлянами за Иллирию (См.: Шофман А.С. История античной Македонии. Македония и Рим. Казань, 1963, ч. 2, с. 212).

48 SVA, III, B 5, 6, B. 258-266.

49 Walbank F.W. A historical commentary on Polybius. Oxford, 1967, v. 2, p. 11-13.

римляне столкнулись при подготовке этого важного политическо-го мерсприятия⁵⁰. Договор в конце концов был заключен. Эти римляне расстроили все планы Филиппа и заставили его действовать не так, как он обещался: царь вынужден был укрепить свои северные границы от варваров, поспешить на помощь союзникам на юге, но вопреки стараниям Филиппа "римская политика триумфировала"⁵¹.

Роберт Эррингтон, исследуя причины и предпосылки заключения римско-этолийского союза, главную задачу римлян в 212 г. видит в том, чтобы заставить Филиппа остаться в пределах Балкан. Но поскольку ситуация изменилась, (положение Рима в Иллирии ухудшилось из-за действий македонского правителя), сенат уполномочил Валерия Левиуса предпринять шаги по расширению войны без увеличения своего военного присутствия с помощью сильного союзника на Балканах, который мог бы принять активное участие в борьбе с Филиппом на суше при военно-морской поддержке Рима⁵². Такой союз, как считает Р. Эррингтон, нужен был и этолийцам - недавним противникам Македонии. Исходя из своей концепции "расширяющихся римских интересов", исследователь особо подчеркивает, что договор "касался только улучшения способов ведения войны, а вовсе не римской территориальной экспансии"⁵³. Оценивая договор, английский антиковед считает его крупным достижением римской политики, поскольку в трудных условиях войны с Ганнибалом военные обязанности Рима в восточной Адриатике не расширялись, а этолийский договор гарантировал наибольшую их эффективность⁵⁴.

Довольно обстоятельно этот договор рассматривается Эриком Грисном. Римляне пошли на заключение союзов с этолийцами именно осенью 212 или 211 гг. до н.э., по мнению американского историка, потому, что к этому времени Филипп добился на Адриатическом побережье некоторых успехов (захват Дюсса - стратегически важного пункта, откуда македонский царь мог угрожать безопасности Италии)⁵⁵. Отвергая мнение ряда авторов, в том числе

50 Walbank F.W. Philip V of Macedon, p. 82-83.

51 Ibid., p. 88.

52 Errington R.M. Op. cit., p. 113.

53 Ibid., p. 114.

54 Ibid., p. 115.

55 Gruen E.S. Op. cit., v. 2, p. 377-378.

Дж. Ларсена и Ф. Уолбанка, считавших, что партнеру своим союзом стремился к длительному сотрудничеству⁵⁶, Э. Грюен весьма убедительно доказывает, что это был временный военный союз с ограниченными целями⁵⁷. Судя по положениям договора, во многом более благоприятным для этолийцев, римляне вряд ли диктовали его условия⁵⁸. Однако эти интересные сами по себе мысли, так же как и некоторые наблюдения по поводу территориальных границ действия договора, выстраиваются Э. Грюеном в единую цепь для доказательства весьма ограниченных внешнеполитических интересов и целей Рима. Он настойчиво подчеркивает, что интересы римлян оставались неизменными с середины III в. до н.э., что Рим не был заинтересован в захвате чужих территорий, что договор с Этолией не означал римских притязаний на иностранные земли и т.д.⁵⁹

Таким образом, Ф. Уолбанк, Р. Эррингтон и Э. Грюен оценивают многие вопросы, связанные с римско-этолийским договором, с позиций концепции "оборонительного римского империализма", которая в данном случае заметно влияет на характер интерпретации отдельных фактов.

Здесь ближе к истине, вероятно, Дж. Ларсен и У. Харрис. По мнению Дж. Ларсена, римско-этолийский договор начал или продолжал тот процесс, в результате которого римляне все более и более втягивались в войны и завоевания на Востоке⁶⁰.

Бездействие римлян, их стремление переложить тяжесть войны на своих греческих союзников круто повернули ход военных действий весной 207 г. до н.э. Филлис добился значительных успехов, опустошил земли Этолийского союза и вынудил этолийцев принять его мирные условия. Осенью 206 г. было подписано македонско-этолийское соглашение, и Этолия вышла из войны⁶¹.

Заключение мира между Македонией и Этолией исследователи объясняют по-разному. Так, Ф. Уолбанк видит её в следующем. Ещё в 217 г. до н.э. взор Филиппа был устремлен на запад, и хотя поход в Италию не удалось осуществить, вторжение в Иллирию казалось вполне возможным. Было ясно, что войну с Карфагеном Рим скоро завершит и освободит свои военные силы. Именно

56 Larsen J.A.O. Was Greece free between 196 and 146 B.C.? - *Classical Philology*, 1935, v. 30, p. 199f.; Walbank F.W., p. 82ff.

57 Gruen E.B. *Op. cit.*, v. 1, p. 17-20.

58 *Ibid.*, p. 19.

59 *Ibid.*, v. 2, p. 373 f.

60 Larsen J.A.O. *Greek federal states*, p. 365.

61 *Ibid.*, XIII, 2; cf. Walbank F.W. *Op. cit.*, p. 98 ff.

это, по мнению Ф.Уолбанка, и заставило македонского царя заключить мир с Этолией и сосредоточить свое внимание на экспансии в Иллирия⁶².

Р.Эррингтон, объясняя причины выхода Этолийского Союза из войны, отмечает, что это произошло из-за "кризиса этолийского доверия" к римлянам. По его мнению, этолийцы стали понимать, и не без основания, что Рим лишь допользовал их в своих целях, обеспечивая только военно-морскую поддержку; но так как военные действия происходили в основном на суше, их главную тяжесть выносили этолийцы⁶³.

В такой трактовке причин выхода Этолии из войны многое кажется верным. Возможно, тактическую цель Рима (удержать македонского правителя на Балканском полуострове) Р.Эррингтон определяет верно. Однако, по всей видимости, римляне преследовали и другую цель: установить политическое влияние по ту сторону Адриатика⁶⁴. Дальнейшее развитие событий подтверждает это предположение.

Дискуссионными в английском и американском антиковедении остаются многие вопросы, относящиеся к римско-македонскому мирному договору 205 г. до н.э., которым завершилась рассматриваемая война⁶⁵. Р.Эррингтон так определяет мотивы, побудившие римлян заключить мир с Филиппом, Сципион, будучи в 205 г. до н.э. консулом, стремился перенести военные действия с карфагенянами в Африку, а для осуществления такого плана требовались все имеющиеся в наличии римские войска и транспорт; поэтому сенат и решил закончить войну с Македонией⁶⁶. Вероятно, это так, хотя английской историк называет далеко не все причины, побудившие Рим заключить мир с македонским царем. Успешные военные действия Филиппа, по всей видимости, встревожили сенат и побудили его завершить войну на востоке (прежде, в 208 г. до н.э. удобный случай заключить мир с Македонией был римлянами отвергнут⁶⁷.

62 Welbank F.W. Op. cit., p. 102.

63 Errington R.M. Op. cit., p. 115.

64 Ср. о точкой зрения У.Харриса (Harris W.V. Op.cit., p.297).

65 See: BVA, III, n 543, B. 281-284.

66 Errington R.M. Op. cit., p. 116; cf. Liv., XXIX, 12, 13-15; Larsen J.A.O. Roman Greece, p. 263 f.

67 App., Mac., 3.

Роберт Эррингтон подробно рассматривает условия договора 205 г. в итоге первой римско-македонской войны. По его мнению мир в Фенике касался только иллирийских территорий и городов, с которыми Рим находился в дружественных отношениях. Как и многие другие исследователи, Р.Эррингтон отмечает отсутствие территориальных приобретений Рима в войне, "но он и не вел её из желания получить территории"⁶⁸. Историк считает, что положение римлян на Балканском полуострове после столкновения с Македонией не было однозначным и простым. Может показаться, пишет он, что территориально Рим ослабил свои позиции (потерей друзей в Атинтании), но в действительности, он защитил своих друзей в Иллирии: кроме того, он приобрел союзников на Пелопоннесе (Спарта, Элис, Мессения), а также дружбу царя Аттала Пергамского. Следовательно, для римлян война в целом окончилась успешно: хотя земля восточнее Адриатики была ими оставлена, но за ними Рим продолжал наблюдать⁶⁹.

Несколько иначе оценивает мир в Фенике Фрэнк Уолбанк. Он отмечает, что в конце войны Рим опять заинтересовался событиями в Греции. Туда и был послан Семпроний. Однако нежелание проконсула вести войну создало равновесие сил на Балканах, чем и воспользовались эпархты, чтобы склонить стороны к заключению мира. Ф.Уолбанк утверждает, что мир в Фенике, завершивший первую римско-македонскую войну, был по существу римским миром, предлагавшийся Римом и принятый Филиппом и его союзниками⁷⁰. Эта точка зрения, уже справедливо отвергнутая в современной историографии, впервые была высказана и обоснована Морисом Олло⁷¹.

По мнению Эрика Грюэна, договор 205 г. был выгоден обеим сторонам. Он укрепил позиции Филиппа в Иллирии и позволял ему обеспечить безопасность границ западной Македонии. Для римлян мирные условия были более чем удовлетворительными: южная Адриатика оказалась в безопасности, чего Рим и добивался. Договор позволил Филиппу устремить свои честолюбивые взоры на восток, а Риму - обратиться на запад⁷².

68 Errington R.M. Op. cit., p. 117.

69 Ibidem.

70 Walbank F.W. Philip V of Macedon, p. 104.

71 Holladay M, Op. cit., p. 177-179.

72 Грюэн Э.В. Op. cit., т. 2, в: 304.

Продолжаются споры в английской и американской историографии по поводу других государств, принимавших участие в войне и ставших участниками римско-македонского мирного договора (так называемые *foederati adscripti*). В центре внимания оказывается пассаж из Ливия (XXIX, 12, 14, в котором говорится: *in eas condiciones cum rex conveniret, ad regem foederati adscripti Prusias... Achaei, Boeoti, Thessali, Asaganes, Epirotae, ab Romanis, Thraciae, Attalus rex, Pleuratus, Nabis... Elei, Messenii...* Глава, содержащая этот фрагмент, восходит к потерянной отрывку из Полибия. Было высказано предположение, что полностью или частично список *adscripti* вставлен в Полибиев контекст и является выдумкой либо самого Ливия, либо ранних римских историков, использованных Ливием⁷³.

Э. Бикерман в свое время объяснял *foederati adscripti* договоры в свете греческих учреждений и соотносил рассматриваемый мир с *κοινή στραφή* IV и III вв. до н.э. Хотя договор 206 г. являлся двусторонним (Рим - Македония), вполне реально включение в него любого заинтересованного государства. Э. Бикерман сделал вывод, что невозможно возражать против подлинности списка государств, включенных Ливием в договор; фактически все они, кроме Пергама, были нейтральными⁷⁴. С перечнем, приводимым Ливием, и включившим Афины и Иллион, согласны Дж. Балдсон, Э. Балдан и Р. Эррингтон⁷⁵.

Такая точка зрения вызвала критику ещё в 1930-е гг. А. Макдональд и Ф. Уолбанк выступили в защиту мнения Мориса Олло, предлагавшего исключить из списка три государства Пелопоннеса⁷⁶.

Джакоб Лирсен попытался доказать, что список *foederati adscripti* на римской стороне содержал названия государств, имевших с Ри-

73 See: Baladon J.P.V.D. Rome and Macedon, 205-200 B.C. - JRS, 1954, v. 44, p. 32.

74 Bickerman E. Les préliminaires de la seconde guerre de Macédoine. - Rev. de Philolog., 1937, v. 32, p. 67.

75 Baladon J.P.V.D. Op. cit., p. 30-42; cadien E. Foreign orientales (264-70 B.C.). Oxford, 1958, p. 57 ff.; Errington R.M. Op. cit., p. 281.

76 McDonald A.R., Walbank F.W. The origins of the Second Macedonian War. - JRS, 1937, v. 27, p. 180-207; Walbank F.W. Philip V of Macedon, p. 103 f., n. 6; cf. Holleaux M. Op. cit., p. 258 ff.

мом формальные договоры о союзе; внесение в список Афин и Иллиона ошибочно⁷⁷. Спор этот продолжается, причем не только в рамках английской и американской историографии⁷⁸. Окончательно вопрос может быть решен только при условии расширения источниковой базы. Точка зрения Джаккоба Ларсена представляется при этом более обоснованной.

Рассматривая мирный договор 205 г., Э.Груэн отмечает, что включение *adscripti* не влекло за собой никаких обязательств со стороны Македонии и Рима. Государства, присоединившиеся к Риму при подписании договора, не могли поэтому формально требовать римской защиты и поддержки. Рим после мира в Фессале не имел в Греции ни военных союзов, ни определенных обязательств⁷⁹.

Противоположного взгляда придерживается Р.Эррингтон. По его мнению, "паутина дружбы и клиентел" и сопровождающие их обязательства, которые утанавливались войной, не могли быть легко ликвидированы после нее. Поскольку дружеские связи Рима все более расширялись, вероятно, также расширялись и его обязательства (если сенат предпочитал уважать моральные обязательства Рима), изменился также взгляд относительно римских интересов⁸⁰. Таким образом, не вина Рима, что он вел захватнические войны; римляне лишь честно соблюдали свои моральные обязательства, а войны и "империализм" возникали само собой. Ф.Уолбэнг следующим образом характеризовал балканскую политику Рима: "Римляне оставили Грецию так же, как я вошли в нее, без имперских устремлений, территориальных или торговых, и без какого-либо намерения возвратиться"⁸¹.

Все это, казалось бы, различные характеристики имеют общее основание: стремление доказать оборонительный характер внешней политики Рима и агрессивность его противников. Концепция "оборонительного римского империализма" возникла в эпоху, когда монос-

77 Larsen J.A.O. *The peace of Phoenice and the outbreak of the Second Macedonian War.* - *GPh.*, 1937, v. 32, p. 16, 25 f.

78 Более подробно библиография спора, включая труды немецких, французских и итальянских антиковедов представлена в следующих работах: Dehlheim W. *Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechtes in 3. und 2. Jahrhundert v. Chr.* München, 1968, S. 240; SVA, III, S. 283-284.

79 Gruen E.S. *Op. cit.*, v. 1, p. 21.

80 Errington R.M. *Op. cit.*, p. 117.

81 Walbank F.W. *Philip V of Macedon*, p. 105.

политический капитализм стал нуждаться в "научном" оправдании войны и агрессивной политики. Именно она определяет решение многих общих и частных вопросов античной истории в современном английском и американском антиковедении.

В.Н. Парфенов

БИТВА ПРИ АКЦИИ: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

Битва при Акции 2 сентября 31 г. до н.э. — последнее великое морское сражение античности. Принято считать, что оно решило судьбу Римской державы: победителем в многолетней борьбе за единоличную власть вышел Октавиан. Согласно античной традиции, решающую роль в ходе сражения сыграло предательское поведение египетской царицы Клеопатры, которая в разгар боя оставила антониевский флот на произвол судьбы. За египетской эскадрой последовал сам Антоний, его флот, лишенный командования, был разгромлен, а сухопутная армия через несколько дней оказалась в плену.

Именно такая версия Актийского сражения долгое время господствовала в исторической литературе. Однако есть основания считать, что подлинная история той грандиозной исторической драмы была тщательно и умело отредактирована: в античных источниках отразилась лишь версия победителей. С другой стороны, надо учитывать, что официальная концепция Актийской войны была разработана штабом Октавиана для немедленного применения в качестве пропагандистского оружия. Отсюда следует, что грубое искажение фактов исключалось, так как свидетели и участники войны немедленно бы это заметили. Таким образом, нет оснований сомневаться, что эскадра Клеопатры действительно покинула место битвы, Антоний сделал то же самое, его флот потерпел поражение, армия капитулировала. Остается открытым вопрос о причинах, побудивших Антония и Клеопатру поступить подобным образом. Чтобы их выяснить, необходимо более подробно разобраться в обстоятельствах финальной схватки за власть между двумя триумвирами.